

## ГЛАВА I.

### ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СОСТАВ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА.

**Д**ЕТСКИЙ фольклор — это термин, который вошел в употребление в последние годы и применяется для обозначения всех произведений устной народной словесности, предназначенных для детей.

Носителями детского фольклора являются дети и взрослые — матери, бабушки, няни и все те лица, на попечении которых находятся дети или которые, в силу тех или иных обстоятельств, близки к детям.

Таким образом под детским фольклором мы понимаем как творчество взрослых для детей, так и детское традиционное творчество.

Выделяя детский фольклор в самостоятельную область, мы должны иметь в виду два фактора: детский быт и детскую психику. Вне реальных условий обстановки, в которой живут носители детского фольклора, и вне причин создания этого быта нельзя подходить к его изучению. Детский быт только отчасти отражает жизнь взрослых, но многие его стороны вырабатываются независимо от взрослых и обусловлены всей совокупностью особенностей детского возраста.

Детские познавательные способности, интересы, восприятие художественных образов не те, что у взрослых, и это кладет своеобразный отпечаток на те произведения словесного творчества, которые живут среди детей. Изучать детский фольклор необходимо на фоне жизнен-

ной обстановки в связи с бытом, учитывая в то же время все особенности душевной жизни ребенка.

И. В. Шейн дал первую сводку детского фольклора; в своем собрании народных песен (I)<sup>1</sup> он везде приводит краткие сведения относительно условий и обстановки, при которых поется или сказывается тот или другой вид фольклора. Позднейшие собиратели расширяют эти сведения. Так Е. И. Резанова (IX, 272), приводя заклинание детьми весны и куликов, воспроизводит всю картину этого обряда. Современный исследователь детского фольклора Г. С. Виноградов идет дальше: на основании длительных наблюдений, произведенных в нескольких деревнях Иркутской губернии, он составляет „Детский народный календарь“ (V), в котором на фоне детского быта приводит песни, игры, прибаутки, загадки и другие виды детского фольклора на целый год в сезонной последовательности. Детская народная поэзия прошла длинный путь, пока вылилась в те формы, которые нам известны и закреплены в записях; из тех многочисленных песен и прибауток, которые слышали дети от взрослых, запоминалось и передавалось из поколения в поколение только то, что отвечало органическим запросам детей. Получился естественный отбор — выжило то, что по форме и содержанию приспособлено к пониманию, интересам и вкусам малолеток. Вот почему традиционные народные детские песни и другие произведения дают совершенные по форме образцы и часто пленяют нас красотой своих образов.

Форма детского фольклора находится в тесной связи с детской психикой. Ритм и метрика, повторения, кумулятивность, звукоподражания, аллитерации, ассонансы и другие приемы творчества диктуются детскими вкусами

---

<sup>1</sup> Римская цифра указывает номер, под которым помещено в списке (в конце книги) название сочинения, арабская цифра указывает страницу, арабская цифра с № указывает номер песни, под которым она помещена в цитированной книге.

и восприятием. То же можно сказать о содержании и образах детского фольклора, и если в них, по выражению К. И. Чуковского, много „лепых нелепиц“ (VIII), то это потому, что ребенок воспринимает их иначе, чем мы, взрослые.

Характер детского творчества, круг восприятия и интересов в зависимости от возраста изменяется. В детском фольклоре мы можем выделить те произведения, которые предназначаются для детей в первые годы их жизни, когда они находятся на попечении взрослых, и те произведения, которые входят в репертуар детей постарше, когда они самостоятельны и развлекают сами себя. К первой группе относятся колыбельные песни, потешки и пестушки, прибаутки, элементарные игры с пальцами и другие забавы в этом роде. Это творчество взрослых, специально для детей назначенное. Едва ли можно сомневаться в том, что „Ладушки“, „Сорока“, песенка „Били бом, загорелся кошкин дом“ — создавались для детей; об этом говорит содержание и форма этих песенок.

Вторая группа обширнее и разнообразнее по составу; в нее входит много песен, заимствованных детьми у взрослых. Заимствованные у взрослых песни подвергаются изменениям и как бы претворяются в детском понимании, другие же переходят без всяких изменений.

Песен измененных значительно больше. „Детские песни собственно не детские, а веселые песни взрослых, доставшиеся в наследство детям.“<sup>3</sup> Это творчество хороводов, посиделок и святочных игр“, — говорит В. П. Хрущов (X); сопоставляя детскую песнь „Тень, тень, потетень“ с хороводными, сопровождающимися завиванием плетня, он указывает на те изменения, которым она подверглась в детской передаче.

Проследить путь, пройденный песней взрослых, оформившейся в детскую, и выяснить те изменения, которым она подверглась, в большинстве случаев трудно. Про-

пуски, замена одних слов другими, новые комбинации — обо всем этом можно только догадываться, так как многие песни из репертуара взрослых исчезли и восстановить их невозможно.

Песен, которые вошли в детский репертуар без изменений, значительно меньше. Это песни, потерявшие интерес для взрослых и спустившиеся к детям. К ним относятся сатирические, скоморошные песни, — смысл их утратился и забылся взрослыми, сатира не понятна более, но благодаря своей привлекательной форме и содержанию, которое детьми воспринимается непосредственно, песни эти нравятся им. „Как у бабушки козел“, „Сватовство совы“, „Смерть комара“, „Война грибов“ — все эти песни относятся к этой категории.

Обрядовые песни в тех местах, где взрослое население перестает их петь, также снижаются к детям; обычай колядования во многих местах исчез среди взрослого населения, но сохранился среди детей, они поют колядки и другие праздничные песни. Переход этот совершился на памяти последних поколений, о чем свидетельствуют записи собирателей.

То же происходит и со многими играми, от взрослых они переходят к детям, а в некоторых местностях одновременно играют в них и дети и взрослые. В записях Е. И. Резановой (IX) мы находим одну и ту же игру, записанную в исполнении детей и взрослых. Г. С. Виноградов (VI, 42) сообщает, что народная драма „Царь Максимилиан“ в Тулунском уезде Иркутской губернии не разыгрывается больше взрослыми, а сделалась сезонной игрой школьников. То же произошло с другой народной пьесой „Лодкой“ в Вологодской и Новгородской губерниях, она также разыгрывается детьми.

Сказки о животных перестали интересовать взрослых и перешли в „ребячьи“ сказки, т. е. те, которые рассказываются детям.

Многие произведения детского фольклора перешли к детям так давно, что память об этом утратилась, относительно других этот переход совершился во времена недавние, наконец, и на наших глазах совершается процесс снижения фольклора взрослых в детскую среду.

Этот процесс усвоения детьми того, чем перестает интересоваться старшее поколение, не дает возможности обособить детский фольклор от фольклора взрослых и провести между ними точную границу. Постольку, поскольку не закончился этот переход, многие произведения устно-народного творчества придется относить с одинаковым правом и к фольклору взрослых, и к фольклору детскому.

Иначе и не может быть: устная народная поэзия в народном быту постоянно изменяется в силу внешних и внутренних причин и снижается от взрослых к детям.

Там, где народная словесность исчезла из быта и перешла в книгу, как это мы видим в большинстве западно-европейских стран, можно обособить детский фольклор от фольклора взрослых. Столь распространенные в Англии *Nursery Rhymes* прошли те же стадии развития, которые проходят наши детские песни и в значительной части произошли также из песен взрослых.

Мы останавливаемся на факте снижения фольклора взрослых к детям потому, что с ним связан вопрос об отнесении некоторых произведений к детскому фольклору.

Шейн в первом своем сборнике (II) песни о животных и насекомых поместил в отдел детских песен, но в „Великоруссе“ (I) он перенес их в отдел скоморошных и сатирических, мотивируя это тем, что по таким песням нельзя изучать „быт и психическую жизнь крестьянских детей“. Он указывает, однако, что песни эти потеряли интерес для людей старших поколений, но что благодаря форме и содержанию они явились удобным, желанным и приятным средством забавлять и занимать малюток.

Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса и считаем правильнее отнести эти песни к фольклору детскому. Ведь дети воспринимают только то, что отвечает по форме и содержанию их запросам и интересам, и, если эти песни прижились в детской среде и развлекали детей нескольких поколений, тем самым мы имеем все основания отнести их к детскому фольклору.

Там, где фольклор живет в народе полной жизнью, перед нами часто будет возникать тот же вопрос, но смущаться этим нельзя — это неизбежное следствие процесса перехода произведений народной поэзии от взрослых к детям.

Дети на ряду со своим, свойственным их интересам и возрасту, репертуаром перенимают и запоминают от взрослых песни любовного содержания, злободневные частушки и многие другие, часто непристойного содержания песни. Это явление неизбежно среди детей всех социальных слоев. Песни такого рода постоянно встречаются в записях; интересны они как отражение среды в детской жизни, но при изучении детского фольклора значение их второстепенное.

Детский фольклор живет в среде крестьянской, там он тесно связан с бытом. Из крестьянской среды он широко распространился в среду детей всех других социальных слоев.

Все внимание собирателей сосредоточено на деревне; но интересной задачей было бы проследить, в какой мере фольклор воспринимается городскими детьми, что ими усваивается преимущественно и какие изменения претерпевает он в их среде.

---

## ГЛАВА II.

### СОБИРАНИЕ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА.

**С**ОБИРАНИЕ детского фольклора началось позднее, чем собирание других видов народной поэзии. Первые собиратели мало им интересовались, не придавая этой отрасли фольклора значения. Условия жизни и быта помещиков ставили их в тесную связь с крестьянской средой; дети помещиков и дворян находились на попечении мамушек, нянек и дворовых людей, знакомивших своих питомцев с народными сказками-прибаутками.

Фонвизин в своей автобиографии вспоминает о том, как любил слушать песни и сказки одного из дворовых. О привычке слушать сказки упоминается в сатирических журналах XVIII века. В журнале „Смесь“ (1769 г.) говорится: „Многие отцы и матери, когда дети по ночам не спят, приказывают им сказки сказывать“. Детство П. В. Киреевского (XXXIII), выросшего в помещичьей деревенской обстановке, насыщено было народной поэзией, о чем свидетельствуют его биографы. Детская народная песня жила в быту, и не было надобности записывать то, что даже не осознавалось как народная поэзия. Дальнейшее воспитание на иностранных языках, презрение к народному творчеству отдаляло подрастающее поколение от народной поэзии, но для избранных натур воспринятая в первом детстве народная поэзия пробуждала в дальнейшем интерес к ней. Классическим примером заложенной в детстве любви к народному творчеству является Пушкин, всецело обязанный этим

Арине Родионовне. Это не единственный пример: биографии, автобиографии и мемуары разных лиц дают нам образы нянюшек-крестьянок, о сказках и песнях которых питомцы их с трогательной благодарностью вспоминают всю жизнь.

Е. А. Авдеева в своих воспоминаниях приводит колыбельные песни и прибаутки, слышанные ею в детстве. „В старину, — говорит она, — нянюшки, или где их не было, мать или бабушка, укладывая ребенка, пели, или, лучше сказать, приговаривали разные рассказы и припевы. Конечно, в них нет ничего остроумного или поэтического, они изображают простой старинный быт и какие-то особенные понятия о воспеваемых предметах. В них, как в русских песнях и сказках, всего чаще встречается вольная бессмыслица, потому что этого нельзя назвать ни лукавым простодушием, ни юмором. Теперь редко где в отдаленных от столицы и больших городов местах можно услышать такие припевы“ (XI).

Прежде всего обратили на себя внимание колыбельные песни. Сахаров в своих сборниках (XII) приводит 4 колыбельных песни, но 3 из них исторического содержания — воспоминания о татарах; среди игр с припевами и словесными приговорами он выделяет и несколько детских.

В сборниках песен, записанных Киреевским, мы находим 6 колыбельных песен, сообщенных ему В. Пасеком, из них одна финская, переданная в русском стихотворном переводе (XIII). Упомянем еще о книге Терещенко „Быт русского народа“ (XIV), в ней помещено несколько распространенных потешек („Ладушки“, „Сороки“), колыбельных песен и игр; к русским песням приведены параллели на малорусском и польском языках.

Вот все наиболее существенное, что дали нам записи 20-х и 40-х годов по детскому фольклору. 50-е и 60-е годы, отмеченные в России общим подъемом интереса к

педагогическим вопросам и к народной школе, дали значительно больше записей. Народная поэзия обратила на себя внимание, как материал большой художественной и педагогической ценности.

На страницах наиболее распространенных детских журналов „Подснежник“, „Звездочка“ и „Лучи“ начинают появляться народные сказки, былины, песни, игры, загадки и пословицы. К ним даются пояснения. Так, сказкам „Три зятя“ и „Кот и петух“ предпосланы следующие строки: „Предлагаемые русские сказки — сказки народные, народ сложил их. Они живут и передаются от отца к детям. Помещая время от времени в нашем журнале эти сказки без всяких прикрас и прибавлений, мы заботились единственно о чистоте языка“ (XV).

В другом журнале помещены две песни калик-перехожих, записанных в Орловской губернии; песням также предшествуют сведения о них, и автор сокрушается о том, что „воспитание, какое по большей части дается нам, к сожалению, отделяет нас от нашего доброго народа“ (XVI). По этим выпискам мы видим, что вместе с идеей народности начинает получать признание народная поэзия и ее педагогическая ценность.

Педагогический журнал „Учитель“ на своих страницах высказывает пожелание, „чтобы наши собиратели народных сказок, легенд и загадок в то же время обращали внимание на детские игры с их припевами, этим они оказали бы величайшую услугу делу воспитания“; в той же статье редакция обращается к своим подписчикам с просьбой „всем, кому дорого дело первого воспитания, записывать все песни и припевы, которые случится услышать от нянек“ (XXXI, 467). Читатели откликнулись на призыв, материалу прислано было много, в каждом номере журнала ему уделялось место.

В 1867 г. появилось „Родное слово“ К. Д. Ушинского, книга, составившая эру в нашей учебной литературе — одна из самых талантливых русских книг для

детей, давая направление всем последующим книгам для классного чтения. Ушинский первый ввел в учебную книгу фольклор, в „Родном слове“ помещено много сказок, песен, загадок, прибауток, скороговорок и пословиц. В методическом руководстве к „Родному слову“ Ушинский выдвигает педагогическое и художественное значение народной поэзии и особенно много места уделяет сказке. „Я решительно ставлю народную сказку выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой“, говорит он (XVII). После Ушинского до последнего времени фольклору всегда уделялось место в классных книгах для чтения.

В первый период своей педагогической деятельности в Ясной Поляне Л. Н. Толстой уделяет большое внимание фольклору. „Единственные книги, понятные для народа... это сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок“ (XVIII). Далее он указывает на особый интерес у детей к такого рода произведениям. В журнале „Ясная поляна“ помещались народные сказки, анекдоты, загадки и пословицы.

Признание педагогической и художественной ценности фольклора послужило поводом к появлению сборников фольклора для детей.

В 1844 г. появились „Русские сказки, рассказанные для детей нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой“, записанные и изданные К. Авдеевой. Это были первые народные сказки, не искаженные сентиментально-слащавой переработкой в духе детской литературы эпохи, а сохранившие в передаче много подлинно-народного.

„Детские песни“ П. А. Бессонова, появившиеся в 1868 г., были выдающимся явлением не только в области детской литературы, но и в области фольклора. Бессонов дает разнообразные, с большим художественным вкусом подобранные колыбельные песни, потешки, прибаутки, песни о животных, колядки, сказки, игры и загадки. Сборник имеет вид небольшой книжечки интимного характера;